

Атрошкина (Ольшевская) Ольга Кузьминична.

23 мая 1927г., д. Лахва Ленинского р-на Пинской обл.

- Я росла в многодетной семье. Всех детей было двенадцать – пять мальчиков и семь девочек. Мой отец – Кузьма Михайлович – работал рабочим на Микашевичском фанерном заводе, владел тремя иностранными языками: польским, русским, еврейским, из-за чего меня «жидовкой» называли. Мама – Феодосия Фёдоровна – была домохозяйкой. Фанеру производили для самолётов, поэтому в начале войны с фашистами оборудование эвакуировали в Свердловск.

Мое детство до пятнадцати лет прошло в Лахве. В 1942 г. немцы собрали молодёжь в Лахве, отвезли в Лунинец, оттуда в товарном эшелоне в Варшаву. Кормили бульоном с брюквой. Не сказать, что нам ее давали мало. Она, конечно, была вкусная, но за всю послевоенную жизнь я ни разу не захотела покушать её (смеётся). Однажды захотели мы с медсестрой Лидией Платоновной «семя» поесть – это блюдо, когда размалывали льняное семя, макали в него картошку и ели. Вкусно – вкусно было в далёкой молодости. Поели мы совсем немного, смотрим друг на друга, и говорю я ей: «Что - то мне совсем не хочется это есть, когда - то это было вкусно, но не сейчас».

В Варшаве стояли сутки, затем дорога в Германию. Со 2-го февраля 1942г. по 15 февраля 1943г. работала у хозяев. В Фордболте в бане нас обработали, отправили в Штольп. Нас разобрали хозяева по своим домам. Меня переводили от одного хозяина к другому. У первого я занималась работой по дому, доила коров, ухаживала за скотом. Я у него сильно плакала, что домой хочу, не выходила на работу, ничего не делала, только плакала, что домой хочу. Он долго не терпел, отвёз в „Arbeitszentrum“ – рабочий центр, и меня определили к другому хозяину, да и у него я долго не задержалась, в скором времени нас забрали копать окопы по распоряжению немецких военных.

Вторых хозяев я хорошо запомнила, хозяин – Карл Бройникс и его жена - Бета, у них был сын – тоже Карл (10 лет) и дочь – Гильда (5 лет). Я была около полутора лет у них. Кормили у хозяев той же самой брюквой, и она была до конца войны: и у хозяев и на окопах, везде. Но у хозяев кормили ещё и картошкой, макаронами и кашей с подливой, макаронами с молоком - когда как. Они меня не били, только один раз ударил по щеке отец хозяина за то, что я на полчаса опоздала доить коров. Так Карл долго его ругал: какое дедушка имел право бить чужого ребенка?

В лес за ягодами любила ходить. Всё вкусно было в тот день. Иду я из леса, а хозяйка меня уже с чаем ждёт, пирог или еще что-нибудь сладкое

печёт. Коров в тот вечер я тоже не доила, так как считалось, что я очень устала. Я и хотела бы им написать письмо после войны, но ведь с той властью посадили бы.

На окопах работала более полутора лет, несколько раз убегала в лес, а чего я убегала, не знаю. Один раз даже в ногу пуля попала, но ничего серьезного не было, все нормально зажило. Только потом, уже дома, на этом месте у меня получился нарыв и мне его чистили. Ноги, конечно, болят, но рана от пули не беспокоила никогда. Окопы мы копали на польской территории, когда немцы отступали. Нашей задачей было создать препятствия, чтобы русские войска не могли преследовать немецкие. Жили мы в круглых землянках, по центру которых стояла карбидка – единственный источник света и тепла. Нас там работало три тысячи человек. Насыщались неизменной брюквой и кашами.

Примерно 2-3 января 1945г. мы все проснулись утром от лучей солнца, очень удивились, ведь будили гораздо раньше. Вышли, смотрим – столовая закрыта, никого из немцев нет, уехали, оказывается. Бежали. В тот же день пришли к нам солдаты русской разведки в белых костюмах с красными звёздочками. Они дали указание уходить в тыл, потому что здесь может быть фронт. С 8-ми утра и до 12-и ночи мы шли компанией восемь человек в ближайший город Быдгощ. В городе было темно, в одном только доме огонёк горел. Зашли на огонёк, старушка польская рассказала, что в городе уже никого нет, все уехали. Мы своей компанией (четыре парня и четыре девушки держались вместе, пока нас не отправили домой) зашли в соседний дом, а там плита еще тёплая и даже обед был приготовлен – так поспешно всё покидали люди и убегали. Жили мы там дня четыре или пять, пока не пришли наши солдаты. Среди них был наш земляк из деревни Пари за Припятью. Спустя какое-то время я ездила в эту деревню, нашла его родителей, но он не вернулся домой...

С Быдгоща мы ехали на конях, затем солдаты у нас их отняли. В Варшаве нас посадили в пассажирский поезд и отправили домой в Беларусь. Я не узнала свою деревню, станция была неузнаваема, деревня полуразрушена. Когда я увидела свой дом, тогда поверила, что всё-таки я вернулась. Зашла в дом, там была только сестра Таня в шине, она пострадала сильно – 23 раны от осколков снаряда. Я её не узнала, да и она меня тоже. Мама была у соседей, а отец на работе, он работал сторожем в организации «Заготзерно». На фронт не уходил, так как был уже стар возрастом.

Через три дня после прибытия я устроилась в железнодорожном резерве работать уборщицей и ходила в вечернюю школу учиться на проводника. Приехала в гости к сестре Прасковье и познакомилась с Павлом,

который стал моим мужем. Он воевал, был ранен на одной из улиц Берлина. У нас родилось пятеро сыновей – Миша, Костя, Федя, Коля, Лёня. Сейчас живы только двое моих сыновей. Человек рождается, чтобы в жизни на земле пострадать и уйти...

*2013г. Сергеевич Валерия, Зражевский Андрей - учащиеся 11 класса
Лунинецкой СШ.*